

Василий Авсеенко

Клещ

Василий Григорьевич Авсеенко

Клещ
(Петербургские очерки #1)

«Въ большомъ кабинетѣ, на длинномъ и широкомъ диванѣ, покоился всемъ своимъ довольно пространнѣмъ теломъ Родіонъ Андреевичъ Гончуковъ, мужчина лѣтъ сорока, съ необыкновенно свежимъ, розовымъ цветомъ лица, выдавшимися впередъ носомъ и верхнею челюстью, задумчивыми голубовато-серыми глазами, и густыми каштановыми волосами...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Василий Григорьевич Авсеенко Клещъ	0004
I	0005
II	0009
III	0014
IV	0019
V	0024
VI	0031

**Василий Григорьевич
Авсеенко
Клещъ**

Въ большомъ кабинетѣ, на длинномъ и широкомъ диванѣ, покоился всѣмъ своимъ довольно пространнымъ тѣломъ Родіонъ Андреевичъ Гончуковъ, мужчина лѣтъ сорока, съ необыкновенно свѣжимъ, розовымъ цвѣтомъ лица, выдавшимися впередъ носомъ и верхнею челюстью, задумчивыми голубовато-сѣрыми глазами, и густыми каштановыми волосами.

Подвернувъ одну ногу крючкомъ, а другую слегка свѣсивъ съ дивана, Родіонъ Андреевичъ мечталъ. Былъ предобѣденный часъ, который неслужащему и незанятому петербуржцу всего труднѣе наполнить. Родіонъ Андреевичъ имѣлъ очень мало знакомыхъ, и ѣздить на five o'clock tea ему было некуда. Побывавъ въ банкѣ и у нотариуса, заѣхавъ за какой-то не особенно нужной справкой въ департаментъ, и купивъ для чего-то нѣсколько французскихъ романовъ и альбомъ съ изображеніями трувильскихъ купальщицъ, Родіонъ Андреевичъ смѣнилъ визитку на домашній сѣренькій пиджакъ, растянулся на

диванъ и предался, какъ мы сказали, мечтамъ.

Собственно, это были даже не мечты, а какое-то пріятное порханіе около самого себя и всего, что съ нимъ случилось за послѣдніе годы. А случилось вотъ что. Во-первыхъ, Родіонъ Андреевичъ овдовѣлъ. Это событіе могло бы совсѣмъ не отразиться на его чувствахъ, но онъ еще при жизни жены такъ привыкъ увѣрять себя и всѣхъ въ необычайной дружбѣ, связывавшей ихъ обоихъ, что по смерти ея какъ-то невольно появилась у него меланхолія въ глазахъ и привычка вздыхать иногда коротенькими вздохами, похожими на икоту.

Во-вторыхъ, въ принадлежащемъ ему сельцѣ Гончуковъ Родіонъ Андреевичъ отыскалъ какимъ-то образомъ желѣзную руду. Она, собственно, давно уже была извѣстна, но никому не приходило въ голову, что ее можно извлекать, обрабатывать и продавать. А тутъ какъ-то вдругъ пошла мода на имѣнія съ рудой. Сначала одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ съѣздилъ въ Петербургъ, привезъ оттуда горнаго инженера, весьма

приятнаго молодого челоуѣка, ходившаго въ чичунчевомъ кителѣ, и продалъ часть земли какому-то металлургическому обществу за очень хорошую цѣну. Потомъ у другого, у третьяго сосѣда тоже оказалась руда; потомъ прїѣхали два бельгійца, съ собственнымъ поваромъ, и стали скупать землю; потомъ явился помощникъ присяжнаго повѣреннаго и открылъ контору по долгосрочному арендованію крестьянскихъ земель съ рудою; и наконецъ, по всему округу руда вошла въ такую моду, что ненахождение ея въ имѣніи стали относить прямо къ необразованности помѣщика. Родіонъ Андреевичъ примкнулъ къ движенію уже въ то время, когда цѣны на землю возросли баснословно. Тогда онъ продалъ большую часть имѣнія, оставивъ себѣ только усадьбу, ферму, березовый лѣсокъ и луга.

Вырученнаѣ сумма превысила полмилліона. Родіонъ Андреевичъ рѣшилъ, что съ такими деньгами жить въ деревнѣ — глупо, и перебрался въ Петербургъ.

Здѣсь онъ устроился полу-осѣдлымъ образомъ: нанялъ квартиру, но временную; за-

вель обстановку, но не окончательную, и еще далеко не соответствующую его крупнымъ средствамъ. Все же окончательное предносилось передъ нимъ впереди, въ нѣкоторомъ туманѣ. И ему пока очень нравилось это временное существованіе, окруженное пріятнымъ туманомъ.

«Спѣшить некуда, — думаль онъ, покоясь на диванѣ и дымя папирской. — Поживу, осмотрюсь хорошенько, тогда видно будетъ. Можно будетъ и дѣломъ какимъ-нибудь заняться. Но очертя голову соваться не слѣдуетъ. Сперва надо изучить, пораскинуть умомъ. Дѣло хорошо, когда оно вѣрное, и когда на немъ можно удвоить, утроить капиталъ. За такое дѣло я съ удовольствіемъ возьмусь».

И Родіонъ Андреевичъ, сощуривъ свои задумчивые глаза, что-то прикинулъ въ умѣ. Цифры получились чрезвычайно круглыя.

Раздался звонокъ, и черезъ минуту въ кабинетъ вошелъ господинъ лѣтъ сорока двухъ, средняго роста, лысый, съ маленькимъ носомъ, маленькими глазками и замѣтною просѣдью на вискахъ и въ бородѣ. Одѣтъ онъ былъ въ длинный сюртукъ какого-то скучнаго покроя. Онъ быстро подошелъ къ Гончукову, быстро пожалъ ему руку, и селъ въ кресло.

— Гдѣ мы сегодня обѣдаемъ? — спросилъ онъ.

— Да гдѣ же? Я куда-нибудь въ ресторанъ поѣду, — отвѣтилъ Гончуковъ.

— Ну, и я съ тобой. А вотъ, кстати: ты мнѣ долженъ сто рублей, — неожиданно объявилъ гость.

— Я тебе долженъ? по какому случаю? — изумился Гончуковъ.

— А по такому, что я за тебя подписался на подарокъ Нивиной. Нельзя было, братецъ, не подписаться: тебя въ балетѣ знаютъ, — объяснилъ гость. — Ты мнѣ, пожалуйста, отдай, я какъ разъ не при деньгахъ.

Родіонъ Андреевичъ пожалъ плечами,

нехотя всталъ и вынулъ изъ стола бумажникъ.

– Да ты заплатилъ-ли? – усомнился онъ.

– Ну, вотъ еще! – возразилъ гость, поспѣшно хватая изъ рукъ хозяина сторублевую бумажку. – Стало быть заплатилъ, если у тебя спрашиваю. На меня еще покосились, что мало даю. Тебя, братецъ, въ трехъ милліонахъ считаютъ, честное слово. Я всѣмъ такъ и говорю.

– Зачѣмъ же ты такъ говоришь?

– Для престижу. Престижъ, братецъ, составляется друзьями; ты послѣ поймешь это. Ты еще не разобрался въ петербургской жизни, не вошелъ въ дѣло. Послѣ ты оцѣнишь мои услуги.

– Цѣнить услуги я согласенъ, только ты, пожалуйста, впередъ не подписывайся за меня. Зачѣмъ? Когда захочу, я самъ могу.

– Самъ? Далеко бы ты уѣхалъ, если бы все самъ дѣлалъ! Знаешь, я тебя сердечно люблю, но прямо въ глаза говорю: отвратителенъ въ тебѣ этотъ провинціализмъ, мелочность эта. Ты никакъ не можешь поставить себя на большую ногу. Честное слово. У тебя сейчасъ

какой-то мелкій хуторянській расчетъ являет-ся. Въ тебѣ крупный баринъ не воспитался еще, вѣдь ты, я самъ замѣчалъ, морщишься въ душѣ, когда въ ресторанѣ бутылку шампанскаго спросить приходится, вѣдь ты, я увѣренъ, и въ эту минуту думаешь про себя: «опять этотъ Подосеновъ назвался со мной объѣдать, и опять я за него платить буду». Ну, такъ врешь же, сегодня я самъ тебя угощаю, вотъ что!

– Да зачѣмъ же? И зачѣмъ ты на меня такъ сочиняешь? Вовсе я не такой сквалыга, какъ ты меня выставляешь.

– Ну да, рассказывай. А впрочемъ, Богъ съ тобой. Я вѣдь для твоего же добра говорю тебѣ, потому что вижу – тебѣ большой ходъ нуженъ. Только ты взяться не умѣешь. Ну, скажи на милость, чего ты сидишь сложа руки? чего ты по диванамъ валяешься? Развѣ такъ живутъ люди съ тремя милліонами? У тебя, вотъ, и сигары гдѣ-то запрятаны, такъ что сразу не найдешь.

– Да вонъ сзади тебя ящикъ стоитъ. И помилуй, какіе же у меня три милліона?

– Говорятъ, всѣ говорятъ. Я всѣмъ пустиль

слухъ.

Гость всталъ, загребъ изъ ящика нѣсколько упмановскихъ «patentes», и записалъ ихъ въ свой громадный кожаный портсигарь.

– Это я и на твою долю беру, послѣ обѣда закуримъ, – объяснилъ онъ. – Да, кстати: закажи на завтра обѣдъ, чтобъ у тебя дома подали. Къ тебѣ гости собираются.

– Кто такіе? – спросилъ нѣсколько подозрительно Гончуковъ.

– Свои, все свои: сестра моя, съ мужемъ и дочерью, – объяснилъ пріятель. – Давно собираются, все спрашиваютъ: когда же твой Родіонъ Андреевичъ позоветъ насъ? Нехорошо, братецъ, ты имъ очень мало вниманія оказываешь. А вѣдь что за прелестное семейство! Я не по родственному, я безпристрастно говорю. Шурочка – вѣдь это такой чертенокъ, одинъ восторгъ. Жизни-то, жизни сколько въ этой девушкѣ! Мертваго воскресить можетъ. Тебѣ, при твоёмъ байбачествѣ, почаще надо вращаться въ такомъ обществѣ. А сестра? – образованнѣйшая, милѣйшая женщина. Съ англійскаго переводить для журналовъ. А

Александръ Ильичъ? Практикъ, делець. Для тебя кладъ такой человѣкъ. Онъ теперь на одну идею напалъ... золотое дно! Вотъ поговоришь съ нимъ, онъ тебѣ разскажетъ. Но нѣтъ, я все къ Шурочкѣ возвращаюсь: вѣдь красота дѣвушка, а? Ты говори прямо...

– Хорошенькая, – согласился Гончуковъ, и слегка вздохнулъ.

– То-то же. А жизни въ ней сколько, огня! Эта дѣвушка составитъ счастье человѣку. Но только и она себѣ цѣну знаетъ. За кого-нибудь замужъ не пойдетъ. Нѣтъ, тутъ надо очень похлопотать, если кто вздумаетъ на ней жениться.

И говорившій это какъ-то странно, пытли-во и строго прищурился на Гончукова своими узенькими глазками.

Съ Иваномъ Семеновичемъ Подосеновымъ Гончуковъ познакомился совершенно случайно, — до такой степени случайно, что даже не могъ дать себѣ яснаго отчета, какимъ образомъ это знакомство завязалось. Со второго дня Подосеновъ разговаривалъ съ нимъ уже какъ со стариннымъ пріятелемъ, являлся къ нему безъ зова, курилъ его сигары и спрашивалъ самымъ обыкновеннымъ тономъ: «ну, гдѣ же мы сегодня обѣдаемъ?» или: «а куда мы сегодня вечеромъ?»

Въ ресторанахъ Подосеновъ поставилъ сначала дѣло такъ, что по счету платилъ Родіонъ Андреевичъ, а Иванъ Семеновичъ совалъ ему два рубля, причитавшіеся собственно за обѣдъ; потомъ объ этихъ двухъ рубляхъ онъ сталъ какъ-то забывать. Но когда они отправлялись въ какое-нибудь увеселительное мѣсто, гдѣ Родіону Андреевичу точно также предоставлялось преимущество за все платить, Иванъ Семеновичъ потомъ настоятельно совалъ ему въ руки пятьдесятъ копѣекъ, внесенные за него за входъ, и на попытки

Гончукова отказаться, отвѣчалъ съ достоинствомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, платить за себя я не позволю. Ты мнѣ другъ, даже единственный другъ, но эти расходы у насъ пополамъ. Да, душа моя, пусть каждый за себя платитъ.

Съ какихъ поръ и по какому поводу Подосеновъ сталъ говорить ему «ты», Родіонъ Андреевичъ тоже не могъ припомнить. Но привыкъ онъ къ этому, какъ русскій человѣкъ, очень скоро.

Почвою для такихъ отношеній было, конечно, то обстоятельство, что Родіонъ Андреевичъ немножко скучалъ въ Петербургѣ. Дѣла у него пока никакого не было, знакомыхъ тоже. Онъ былъ очень радъ, что нашелся безпритязательный, услужливый человѣкъ, готовый всегда и всюду раздѣлить его одиночество. Притомъ, Гончуковъ мало зналъ Петербургъ, а Подосеновъ просто поражалъ его своими знаніями по этой части. Онъ даже отыскалъ Родіону Андреевичу какую-то единственную прачку, которая, по его словамъ, одна во всемъ городѣ умѣла гладить сорочки съ ненакрахмаленною грудью.

– Да, голубчикъ, ужъ повѣрь, – утверждалъ Подосеновъ, – въ Москвѣ есть двѣ такія, и обѣ на Арбатѣ живутъ, а здѣсь одна. Московскихъ купцы привезли изъ Біаррица: заинтересовались толщиной. Въ самомъ дѣлѣ, толстыя до невозможности: по тротуарамъ не могутъ ходить, а только по мостовой.

– Да ты видѣлъ ихъ, что ли? – спрашивалъ Гончуковъ.

– Само собою, видѣлъ: въ Москвѣ я каждого человѣка въ лицо знаю, – увѣренно отвѣчалъ Подосеновъ, хотя не бывалъ въ Москвѣ уже лѣтъ пятнадцать.

Родіонъ Андреевичъ былъ доволенъ также, что Подосеновъ познакомилъ его съ сестрой и племянницей: это былъ первый семейный домъ, найденный имъ въ чужомъ городѣ. Правда, второй и третій вечеръ, проведенные тамъ, показались Гончукову довольно скучными: у него даже спина и поясница разболѣлись отъ тоскливаго подыскиванья себѣ покойнаго положенія; но нельзя же обойтись безъ семейныхъ знакомствъ.

Подосеновъ рѣшительно не разделялъ впечатлѣнія пріятеля.

– Это, братецъ мой, домъ, гдѣ живутъ интеллигентною жизнью, – объяснялъ онъ. – Ты къ этому еще не привыкъ; въ провинціи у васъ этого не найдешь.

Родіонъ Андреевичъ не совсѣмъ понималъ, что значитъ домъ, гдѣ живутъ интеллигентною жизнью. Сестра Подосенова, Наталья Семеновна, почему-то напоминала ему акушерку; а когда онъ встрѣтилъ тамъ гостью, которая въ самомъ дѣлѣ была акушерка, у него сложилось убѣжденіе, что Наталья Семеновна втайнѣ непременно занимается этой профессіей.

– А Шурочка? – спрашивалъ Подосеновъ. – Вѣдь это ртуть, вѣдь это сама жизнь! Въ нашемъ поколѣніи не было такихъ дѣвушекъ. И вѣдь прехорошенькая, а, чертъ возьми? Я тебя спрашиваю: вѣдь хорошенькая?

И Подосеновъ вскидывалъ на пріятеля такой взглядъ и такъ странно разставлялъ локти, какъ будто готовился, въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта, размахнуться обѣими руками.

– Конечно, хорошенькая, – отвѣчалъ Гончуковъ, сопровождая свои слова легкимъ вздо-

ХОМЪ, ПОХОЖИМЪ НА ИКОТУ.

Такимъ образомъ, отношенія Родіона Андреевича къ Подосенову какъ будто упрочивались. Пріятели сдѣлались рѣшительно неразлучными, и когда Иванъ Семеновичъ опаздывалъ своимъ появленіемъ въ обычный часъ, Родіонъ Андреевичъ чувствовалъ, что ему недостаетъ чего-то.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тайникахъ души Родіона Андреевича зрѣлъ неясный еще протестъ противъ этихъ отношеній. Онъ сознавалъ, что Подосеновъ присосался, словно клещъ, ко всему его существованію, и это иногда раздражало его. Ему казалось, что между нимъ и всѣмъ круговоротомъ жизни образовалась какая-то заслонка, и что онъ на весь міръ Божій смотритъ изъ-за спины Подосенова. Притомъ, его все чаще возмущала крайняя безцеремонность Ивана Семеновича, которую ничѣмъ нельзя было усмирить, такъ какъ она происходила изъ какой-то совершенно безсознательной наглости.

«Услужливъ, что говорить; но осаживать его непременно надо, иначе совсѣмъ въ меня вопьется», — думалъ Гончуковъ, поводя усами.

IV

Обѣдъ, устроенный для родственниковъ Подосенова, прошелъ довольно оживленно. Наталья Семеновна, дама лѣтъ сорока-пяти, со взбитыми на лбу кудряшками и слѣдами мокрой пудры на большомъ кругломъ носу, находилась въ томъ радостномъ расположеніи духа, въ какое обыкновенно приходятъ дамы, когда устраивается что-нибудь въ ихъ честь одинокимъ мужчиною. Она не то, чтобы кокетничала, но немножко впадала въ балованный тонъ и показывала, что, окруженная такимъ милымъ вниманіемъ, не желаетъ держать себя слишкомъ строго. Мужъ ея, Александръ Ильичъ Рохлинъ, лѣтъ на пять постарше, высокій, костлявый, съ полусѣдыми волосами, словно выщипленной бородкой и красными вѣками, оказался необычайно рѣчистымъ человѣкомъ, и говорилъ, безъ умолку. Повидимому, онъ обладалъ обо всемъ еще большими познаніями, чѣмъ Подосеновъ: стоило только назвать какой-нибудь предметъ, какъ онъ уже сообщалъ, громко и быстро, самыя

точные о немъ свѣдѣнія. По поводу поданной форели онъ разсказалъ, какъ ее ловятъ въ Финляндіи, а когда подали фазана, изъ устъ его пролилась цѣлая лекція о фазанахъ вообще, о фазанахъ кавказскихъ, фазанахъ туркестанскихъ и фазанахъ богемскихъ. Когда рѣчь зашла о желѣзной рудѣ, онъ тотчасъ очертилъ общее движеніе металлургической промышленности, предрѣкъ ей блестящую будущность и попутно замѣтилъ, что все это развилось почти что изъ подъ его рукъ, такъ какъ онъ былъ дѣятелемъ во всѣхъ учреждавшихся обществахъ. Если рѣчь заходила о какомъ-нибудь фактѣ изъ государственной политики, онъ дѣлалъ значительное лицо, поджималъ губы и говорилъ:

— А вамъ извѣстна подкладка всего этого дѣла? Вѣдь это какъ произошло: встрѣчаются однажды министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ финансовъ на какомъ-то офиціальномъ обѣдѣ...

И разсказывалъ цѣлую исторію, очевидно тутъ же имъ сочиненную, но получавшую въ его устахъ такой видъ достовѣрности, какъ будто онъ всю жизнь вращался среди лицъ,

приглашаемыхъ на официальные обѣды.

Въ то время какъ такія рѣчи оживляли обѣдъ съ одного конца стола, на другомъ концѣ Шурочка обнаруживала свою рѣзвость и живость. Маленькая, худенькая, смуглая, она дѣйствительно словно вся переливалась какъ ртуть. Это была роль, въ которую она вошла сознательно. Еще дѣвочкой она со всѣхъ сторонъ слышала, какъ восхищались бойкими дѣвицами, и съ гримаской отзывались о тѣхъ, въ комъ «мало жизни»; и она тогда же рѣшила усвоить себѣ такой типъ, который обнаруживалъ бы въ ней много жизни. У нея было даже особенное, оригинальное движеніе бровями и плечами, по ея мнѣнію, служившее этой цѣли. Она какъ-то вдругъ точно вскидывалась, и потомъ чуть замѣтно вздрагивала плечами, производя что-то похожее на цыганское трепетаніе. Этотъ пріемъ она долго изучала, сопровождая его беспощадною игрою очень недурныхъ глазъ.

За обѣдомъ Шурочка ни минуты не оставалась покойною: передвигала стоявшія передъ нею рюмки, тянулась за хлѣбомъ или горчицей, стучала вилкой, и наконецъ подняла

какую-то возню съ сидѣвшимъ подлѣ нея Родіономъ Андреевичемъ, выдергивая у него салфетку, какъ только онъ закладывалъ конецъ ея подъ подбородокъ. Родіону Андреевичу это нравилось, и онъ подливалъ Шурочкѣ вина, а она, отгубивъ, переливала въ его стаканъ.

– Не боитесь, что я ваши мысли узнаю? – спросилъ онъ.

– О, мои мысли прозрачны какъ шампанское, – отвѣтила Шурочка.

– И такъ же играютъ? – продолжалъ Гончурковъ.

Шурочка передернулась всѣмъ тѣломъ, точно ее защекотали.

– Я васъ въ уголъ поставлю, – сказала она. Родіонъ Андреевичъ добродушно хихикнулъ, и выпилъ залпомъ цѣлый стаканчикъ шампанскаго.

«Ртуть, дѣйствительно ртуть», подумалъ онъ. Послѣ обѣда всѣ перешли въ просторный кабинетъ хозяина, куда подали кофе и ликеры. Наталья Семеновна, немножко отяжелѣвшая отъ выпитаго вина, забралась на огромное кресло въ углу, и опустила по-

крытыя мелкими морщинками вѣки. Шурочка присѣла къ піанино, и срывала съ клавишей короткіе аккорды.

Рохлинъ, держа въ рукѣ рюмочку съ ликеромъ и прихлебывая изъ нея, наклонился къ самому уху Гончукова и спросилъ вполголоса:

– У васъ есть какія-нибудь кабинетныя фотографіи?

– Какъ? – переспросилъ, не понявъ его, Родіонъ Андреевичъ.

– Ну, какія-нибудь этакія... знаете? Я бы пересмотрелъ потихоньку отъ дамъ, – объяснилъ Александръ Ильичъ.

Гончуковъ невольно бросилъ на него боковой взглядъ: онъ никакъ не ожидалъ отъ него этого.

– Нѣтъ, я не держу, отвѣтилъ онъ.

– Жаль; я люблю, – произнесъ Рохлинъ, и подмигнулъ Родіону Андреевичу съ такимъ выраженіемъ, которое еще болѣе удивило послѣдняго.

Подосеновъ раскрылъ оба ящика сигаръ, стоявшіе на столѣ, внимательно осмотрѣлъ ихъ, и выбравъ сортъ подороже, предложилъ Рохлину.

– А теперь, господа, вамъ слѣдовало бы переговорить о томъ дѣлѣ... помнишь, я тебѣ намекалъ уже? – повернулся онъ къ Гончукову. – Вы оба какъ разъ другъ другу нужны: у одного праздные милліоны, съ которыми онъ не знаетъ что дѣлать, а у другого геніальная идея общепользнаго предпріятія.

– Ну, ужъ и геніальная! – скромно возразилъ Рохлинъ. – Просто, я изучалъ этотъ вопросъ, и идея представилась мнѣ, какъ неотразимый выводъ изъ всего, что дало изученіе. Вотъ въ чемъ штука...

И Рохлинъ, опустившись на диванъ подлѣ Гончукова, принялся быстро и отчетливо объяснять ему свою «идею». Она заключалась въ сооруженіи цѣлой сѣти такихъ домовъ-дачъ, которые были бы одинаково приспособлены какъ для зимняго, такъ и для летняго помѣщенія небогатыхъ семействъ. Для этого

предполагалось скупить большіе участки земли на Петербургской сторонѣ и за Нарвской заставой, и выстроить зданія съ широкими террасами во всѣхъ этажахъ, обрацаемыми на лѣто въ цвѣтники, съ садами и садиками, и даже съ огородами, гдѣ каждый жилецъ могъ бы копать и засаживать грядки.

Такимъ образомъ, разрѣшались бы оба тяготѣющіе надъ небогатымъ населеніемъ вопроса: квартирный и дачный. Все дѣло предполагалось организовать такъ, чтобы оно совмѣщало въ себѣ стороны коммерческую и филантропическую: оно должно давать хорошій, вѣрный доходъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть благодѣяніемъ для общества. Складочный капиталъ дѣлился на мелкія акціи, по 50 рублей, съ цѣлью привлечь людей съ ограниченными средствами, и по преимуществу среди самихъ обитателей домовъ-дачъ.

— Вся штука въ томъ, что изучая это дѣло, я пришелъ къ неоспоримому выводу: задача разрѣшается только соединеніемъ обоихъ вопросовъ, зимняго и лѣтняго, — объяснялъ Рохлинъ. — Порознь они неразрѣшимы. Устройте дешевыя квартиры въ городѣ — останутся раз-

зорительные переѣзды на дачи; устройте дешёвые дачи – вы не избѣгнете неудобствъ, сопряженныхъ съ двойнымъ хозяйствомъ. Только моя идея рѣшаетъ все однимъ разомъ.

Подосеновъ при этихъ словахъ захопалъ въ ладоши.

– Такъ какъ же послѣ этого не назвать идею гениальною! – воскликнулъ онъ. – Ты, Александръ, скромень, какъ всѣ великіе люди.

Рохлинъ улыбался и потиралъ руки.

– Что ты скажешь, братецъ? – произнесъ Подосеновъ, слегка ударяя Гончукова по плечу.

Родіонъ Андреевичъ задумчиво повелъ носомъ и усами.

– Идея симпатичная... очень симпатичная, – произнесъ онъ, впрочемъ довольно равнодушнымъ тономъ.

– Тутъ, голубчикъ, мало сказать: симпатичная, – укоризненно замѣтилъ Подосеновъ. – Это, братецъ ты мой, ХХ вѣкомъ пахнетъ. За такое дѣло памятники ставятъ, какъ благодѣтелю челоуѣчества.

– Ну, зачѣмъ памятники, – скромно возра-

зиль Рохлинъ. – Я не самолюбивъ. Я вижу, что дѣло дѣйствительно общепольное, и мечтаю только о томъ, чтобъ осуществить его. Вотъ это и будетъ мнѣ памятникъ.

– И оно осуществится, оно несомненно осуществится, – воскликнулъ Подосеновъ.

– Да что, перейдемъ прямо къ дѣлу. У меня гдѣ-то тамъ есть капиталецъ, про черный день, тысячонокъ десять, и я все это пускаю въ твое дѣло. Бери листъ бумаги и перо, я подписываюсь на двѣсти акцій. Пусть я буду первымъ акціонеромъ. А вторымъ будетъ Родіонъ. Ты, душа моя, на сколько акцій подпишешься? – быстро обернулся онъ къ Гончукову.

Родіонъ Андреевичъ, не ожидавшій такого внезапнаго натиска, поморщился.

– Какъ же такъ вдругъ подписаться? – произнесъ онъ неохотно. Я вѣдь еще не познакомился съ дѣломъ. Это надо изучить, обдумать.

– Ты же самъ говоришь, что идея чрезвычайно симпатичная, – возразилъ Подосеновъ, выражая въ лицѣ своемъ укоризненное изумленіе.

– Ну да, симпатичная, я не отрицаю, – про-

изнесъ Гончуковъ; — но все-таки, нельзя же такъ вдругъ. И потомъ, ты вотъ о моихъ милліонахъ говорилъ; у меня милліоновъ нѣтъ...

— Тс! — съ таинственнымъ видомъ остановилъ его Подосеновъ. — Не говори этого вслухъ, братецъ. Даже между своими не говори. Тебя считаютъ въ трехъ милліонахъ, я это самъ такъ поставилъ, и прекрасно.

Рохлинъ, уже присѣвшій было къ письменному столу, положилъ перо и всталъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, нельзя такъ сторяча, — сказалъ онъ. — Твои двѣсти акцій я занесу въ шнуровую книгу, а Родіонъ Андреевичъ обдумаетъ, познакомится съ подробностями, и можетъ быть захочетъ основательно вступить въ дѣло. Тогда мы его въ директоры избере-мъ.

— Въ директоры, разумѣется, въ директоры! — восторженно подхватилъ Подосеновъ.

— Онъ, какъ главный учредитель, имѣетъ всѣ права.

— Безъ сомнѣнія. Мы это поставимъ на предварительномъ, частномъ собраніи учредителей, — рѣшилъ Рохлинъ. — Намъ дорого

пока принципіальное сочувствіе Родіона Андреевича. Капиталы найдутся, въ этомъ заранѣ можно быть увѣреннымъ.

– И найдутся, разумѣется, найдутся, – снова подхватилъ Подосеновъ. – Да ты не смотри, что онъ какъ будто упирается, онъ только сторяча не хочетъ, а отъ слова своего не откажется.

Отъ какого слова? Родіону Андреевичу казалось, что онъ никакого слова не давалъ. Но прежде чѣмъ онъ могъ сказать что-нибудь по этому поводу, Подосеновъ отбѣжалъ на середину комнаты, и взмахнувъ руками, какъ бы желая обнять этимъ жестомъ всехъ присутствующихъ, провозгласилъ громко:

– А теперъ, господа, принимая во вниманіе, что въ нашемъ маленькомъ обществѣ имѣются дамы, я полагаю... я полагаю, что нашъ милѣйшій хозяинъ не упуститъ случая устроить намъ какую-нибудь поѣздку за городъ, чтобы достойно закончить этотъ пріятнѣйшій день. Шурочка, вы какого объ этомъ мнѣнія?

Шурочка, во время дѣловаго разговора молча сидѣвшая за піанино, вскочила и

сдѣлала свое любимое движеніе, выражавшее, что въ ней много жизни.

– Ахъ, какъ чудесно! – воскликнула она. Подосеновъ только взглянулъ на Гончукова, какъ-то странно подмигнулъ ему, и объявивъ, что бѣжить за тройкой, исчезъ.

VI

На другой день Родіонъ Андреевичъ, проспнувшійся чрезвычайно поздно, съ головою болью и какимъ-то неприятнымъ ощущеніемъ во всемъ тѣлѣ, точно его провезли сто верстъ въ телѣгѣ по ухабамъ, опять лежалъ на диванѣ въ кабинетѣ, выпуская кольцами дымокъ сигары.

Онъ былъ сильно не въ духѣ. Загородный пикникъ не оставилъ въ немъ никакого пріятнаго впечатлѣнія. Онъ даже хорошенько не помнилъ, какъ и что именно тамъ происходило. Сидѣли они въ особомъ кабинетѣ, имъ подавали какой-то ужинъ, котораго, впрочемъ, никто не ѣлъ, такъ какъ всѣ были сыты отъ обѣда. Но бутылки все время передъ нимъ стояли, и онъ много пилъ. Ему всѣ подливали, точно нарочно хотѣли опоить его. Подосеновъ распоряжался. Наталья Семеновна и ея мужъ, кажется, порядочно клюкнули. Шурочка поминутно дѣлала движеніе, выражавшее, что въ ней много жизни. Потомъ появились цыгане. Потомъ онъ помнилъ только, что очень ослабѣлъ, и что Шурочка ему

чрезвычайно нравилась. Должно быть, онъ былъ очень смѣшонъ. И все очень дорого стоило. Онъ не помнилъ, сколько взялъ съ собой денегъ, но привезъ назадъ очень мало. Послѣднее обстоятельство больше всего уязвляло Родіона Андреевича.

«Этотъ Подосеновъ прямо зловреденъ, – думалъ онъ, – съ нимъ опасно. Я теперь вижу, что это за человекъ: онъ прямо изъ бумажника вытащить можетъ».

Подосеновъ явился какъ разъ въ эту минуту, поздоровался съ необычайно серьезнымъ видомъ, и сѣлъ въ кресло прямо противъ хозяина. Глаза и все лицо его выражали укоризненную озабоченность.

– Хорошъ ты вчера былъ, – произнесъ онъ наконецъ, въ упоръ и неодобрительно взглядывая на пріятеля.

– Знаю, что пьянъ былъ; мнѣ нельзя пить, – сказалъ Гончуковъ.

– Да, по крайней мѣрѣ въ присутствіи молоденькой дѣвушки, – подтвердилъ Подосеновъ. – Ты оскорбилъ Шурочку.

– Чѣмъ же это я ее оскорбилъ? – переспросилъ Гончуковъ, нѣсколько даже смущаясь.

– Помилуй, ты съ ней такъ свободно обращался, точно она уже объявлена твоей невѣстой, – объяснилъ Подосеновъ. – Положимъ, мы были между своими, и все это не имѣетъ значенія, если твои намѣренія вполнѣ серьезны.

– Какія намѣренія? Съ чего ты взялъ? – воскликнулъ Родіонъ Андреевичъ хриплымъ со вчерашняго вечера голосомъ.

– Ну, полно, точно я не замѣчалъ. Я давно вижу, что Шурочка тебѣ сильно нравится, – сказалъ Подосеновъ. – Да она и не можетъ не нравиться. Въ этой дѣвушкѣ столько жизни...

Гончуковъ припомнилъ обычное движеніе Шурочки, и оно показалось ему теперь отвратительнымъ.

«Провались она съ своей жизнью», подумалъ онъ.

– Очень можетъ быть, только я совсѣмъ не собираюсь жениться, – сказалъ онъ вслухъ. Подосеновъ опрокинулся на спинку кресла.

– Не собираешься жениться? – повторилъ онъ. – Въ такомъ случаѣ, какъ же ты позволяешь себѣ такое обращеніе съ порядочной

дѣвушкой?

– Какое обращеніе? – возразилъ съ раздраженіемъ Родіонъ Андреевичъ. – Если я былъ неприличенъ, то вамъ надо было уйти, а не заставляють меня пить.

– Ты долженъ былъ помнить, что находишься въ обществѣ дѣвушки, – настаивалъ Подосеновъ.

– А зачѣмъ же родители этой дѣвушки не сообразили, что ее не слѣдуетъ возить по рестораннымъ кабинетамъ? – защищался Гончуковъ.

– А-а, вотъ какъ ты разсуждаешь! – воскликнулъ Подосеновъ. – Въ такомъ случаѣ, нога моя больше у тебя не будетъ.

– И прекрасно, отлично.

– Что-о? Это ты такъ говоришь своему пріятелю, другу, который всего себя отдалъ тебѣ?

– Чтожъ, если ты Богъ знаетъ съ чѣмъ являешься ко мнѣ.

– Такъ-то? Это за все то, что я для тебя сдѣлалъ?

Подосеновъ вдругъ всталъ и принялся шарить по столу, ища сигаръ.

– Да тутъ пустой ящикъ; гдѣ же у тебя сигары? – спросилъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

– Ты же, вѣроятно, вчера въ карманы себѣ высыпаль, – отвѣтилъ Гончуковъ. Подосеновъ замѣтилъ наконецъ на столѣ портсигаръ, вытащилъ оттуда «patentes» и закурилъ.

– Ну, а на сколько акцій ты подпишешься? – вдругъ перемѣнилъ онъ разговоръ.

– Ни на сколько, – отрѣзалъ Родіонъ Андреевичъ.

Подосеновъ пыхнулъ на него изъ сигары.

– Почему же это? Вѣдь ты далъ слово.

– И не думаль. Я говорилъ, что симпатичная идея, и больше ничего, а участвовать въ дѣлѣ не буду.

– На какого же чорта намъ твои симпатіи?

– Этого я ужъ не знаю.

Подосеновъ опять пыхнулъ нѣсколько разъ дымомъ.

– Нѣтъ, я вижу, съ тобой каши не сварить, – сказалъ онъ. – Ты совсѣмъ не такой человекъ, какимъ я считаль тебя.

– Чтожъ дѣлать.

– Нехорошо, крайне нехорошо. Ну, такъ

вотъ, слушай, у меня къ тебѣ послѣдняя просьба. Мнѣ деньги до зарѣзу нужны, одолжи мнѣ займы двѣ тысячи.

– Съ какой же стати?

– Какъ, съ какой стати? Да ты позабылъ, что я цѣлые дни съ тобой возился, порученія твои исполнялъ, время терялъ? Что я тратился, для того чтобы составить тебѣ компанію?

Родіонъ Андреевичъ окончательно возмутился.

– Я у тебя не въ долгу, такъ лучше намъ не считаться, – сказалъ онъ. – Ты однѣхъ сигаръ у меня перетаскалъ сколько.

Подосеновъ сталъ въ полъоборота.

– Такъ не дашь двухъ тысячъ? – спросилъ онъ.

– Не дамъ.

– Ну, такъ чортъ съ тобой. Ноги моей больше не будетъ здѣсь. Подавись ты своими деньгами.

Гончуковъ пожалъ плечами и отвернулся. Подосеновъ быстрыми шагами вышелъ изъ кабинета.